EXXIII 10/129
ЛБII 502

ПОЛКОВЫЯ

ВОСПОМИНАНІЯ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28.

1898

120/3
Н

ЛБП 502

ПОЛКОВЫЯ

ВОСПОМИНАНІЯ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28.

1898

2740

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
687482

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 5 декабря 1898 г.

МУЗЕЙ П. И. ШУКИНА

12-го іюня 1863 года состоялось зачисленіе меня въ Кавалергардскій полкъ, а 15-го іюня записано было въ полковомъ приказѣ:

„Прибывшій къ полку камеръ-пажъ графъ Шереметевъ зачисляется налицо и записывается въ эскадронъ Его Величества". 23-го іюня полковой адъютантъ сообщилъ мнѣ, что „вслѣдствіе отношенія Корпуснаго штаба слѣдуетъ носить палашъ на золотой портупеѣ по образцу офицерской портупеи Л.-Г. Коннаго полка".

Еще въ маѣ мѣсяцѣ перебрался я въ Царское село, гдѣ нанялъ дачу Сабира на Малой улицѣ, рядомъ съ дачею полкового командира, князя В. И. Барятинскаго.

Почти насупротивъ меня, въ небольшой дачѣ съ мезониномъ и съ балкономъ, жилъ пол-

ковой адъютантъ В. А. Звегинцовъ. Мнѣ казалось, что я выбралъ самое лучшее мѣсто. Дача была дѣйствительно удобная, хотя и чрезчуръ просторная. Садъ ея сходился съ сосѣдней дачей того же Сабира, въ которомъ поселилось семейство барона Модеста Андреевича Корфа, тогда еще управлявшаго Вторымъ Отдѣленіемъ Е. И. В. канцеляріи.

Князь Барятинскій, всегда относившійся ко мнѣ привѣтливо, нерѣдко приглашалъ меня къ себѣ. Княгиня была всегда очень благосклонна и гостепріимна. Со дня же вступленія моего въ полкъ, отношенія эти, понятно, нѣсколько измѣнились, и я въ скоромъ времени могъ усмотрѣть, насколько неудобно было молодому офицеру проживать около полкового командира.

Меня зачислили въ лейбъ-эскадронъ, которымъ командовалъ тогда флигель-адъютантъ полковникъ Амбразанцевъ-Нечаевъ. 2-мъ эскадрономъ командовалъ графъ Протасовъ-Бахметевъ; 3-мъ Антонъ Желтухинъ, 5-мъ резервнымъ полковникъ Гревсъ. Эскадроны были

расположены по сосѣднимъ деревнямъ. Въ Большомъ Кузьминѣ стоялъ первый дивизіонъ и тамъ же за церковью резервный эскадронъ. Второй дивизіонъ стоялъ въ Рѣдкомъ Кузьминѣ. Полкъ вообще тогда не былъ богатъ офицерами: незадолго передъ тѣмъ графъ Бревернъ былъ назначенъ начальникомъ Штаба.

Князь Барятинскій старался привлечь побольше молодежи. Благодаря ему и въ особенности брату его фельдмаршалу, покойному государю Александру Николаевичу угодно было выразить отцу моему свою волю, чтобы я поступилъ въ Кавалергадскій полкъ. Отецъ былъ доволенъ, а я ужъ давно намѣтилъ себѣ этотъ полкъ, который въ семьѣ нашей почитался роднымъ.

Такимъ образомъ поступленіе мое въ кавалергарды состоялось при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Дядя мой С. С. Шереметевъ, также старый кавалергардъ, принялъ самое живое участіе въ моемъ поступленіи; онъ же повезъ меня представиться своему старому товарищу и пріятелю Гревсу. Послѣдній справед-

ливо почитался въ полку взыскательнымъ и строгимъ; онъ принадлежалъ къ старой школѣ и недолюбливалъ маменькиныхъ сынковъ и баловней; вообще онъ держался вполнѣ самостоятельно. Довольно язвительный, онъ могъ быть иногда очень неудобенъ и его вообще остерегались.

Меня онъ принялъ какъ родного, не столько ради покровительства дяди, сколько по родству моему съ Василіемъ Алексѣевичемъ Шереметевымъ, котораго Гревсъ горячо любилъ, какъ одного изъ ближайшихъ ему товарищей.

Одно слово „Вася“ производило на Гревса магическое впечатлѣніе. Любилъ онъ вспоминать общую съ нимъ молодость, и сумрачное строгое лицо его тогда свѣтлѣло. Онъ становился разговорчивъ, забавенъ и очень привлекателенъ; со дня этого перваго моего посѣщенія онъ сталъ оказывать мнѣ расположеніе. Страннымъ можетъ показаться, но мнѣ съ нимъ было легче, чѣмъ съ иными.

Одновременно со мною въ первомъ эскадронѣ офицерами 1863 года были: Н. Чарыковъ и М. Скобелевъ, а юнкеромъ И. Араповъ.

Меня поставили передъ вторымъ взводомъ, Чарыковъ командовалъ первымъ, Скобелевъ третьимъ.

Въ то время еще свѣжи были воспоминанія объ императрицѣ Александрѣ Ѳедоровнѣ, всегда неизмѣнно благоволившей къ полку.

Всего три года прошло со дня ея кончины; многіе вскорѣ затѣмъ вышли изъ полка; но въ немъ еще уцѣлѣли современники шефства покойной императрицы, и память объ ней сохранилась, да врядъ ли когда-нибудь забудется ея свѣтлый образъ, а главное ея живое и сердечное отношеніе ко всему, что̀ касалось полка. Мнѣ съ дѣтства припоминаются ея слова: „Ты будешь кавалергардъ!“

Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ слышалъ я въ семьѣ не мало живыхъ воспоминаній о прошлой жизни полка и прежде всего отъ отца, который любилъ разсказывать о счастливыхъ годахъ, имъ проведенныхъ въ полковой средѣ, о Польскомъ походѣ, о коронаціи 1826 г., о 14-мъ декабря....

Еще болѣе отдаленныя воспоминанія дохо-

дили до меня по разсказамъ нашего домашняго врача Эмилія Ивановича Рейнгольда, бывшаго лейбъ-медикомъ императора Николая,—когда-то полкового врача, бывшаго подъ Фридландомъ и Бородинымъ, участника походовъ 1812, 1813, 1814 и 1815 годовъ. Его живые разсказы о 1812 годѣ, о Бородинѣ, объ аттакѣ Левенвольда, о вступленіи во Францію и о пріятелѣ своемъ кавалергардѣ Лунинѣ, къ сожалѣнію, не были имъ записаны и едва ли сохранились въ его потомствѣ.

Старшій дядя мой Василій Сергѣевичъ Шереметевъ такъ же любилъ разсказывать о службѣ своей въ дорогомъ ему полку, о великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ, котораго онъ былъ адъютантомъ, о походахъ, смотрахъ, и свѣтскихъ увеселеніяхъ того времени, о строгостяхъ и гауптвахтахъ. Его друзьями въ полку были: графъ Б. А. Перовскій и графъ В. П. Кутузовъ.

Разсказы дяди С. С. Шереметева относились къ болѣе позднему времени, къ 40-мъ годамъ, а къ 50-мъ примыкаютъ воспоминанія Василія

Алексѣевича Шереметева, окончательно покинувшаго полкъ только въ 1862 году.

Промежутокъ, когда въ полку не было Шереметева, прекратился моимъ поступленіемъ.

Депрерадовичъ, Апраксинъ, Грюнвальдъ, Фитингофъ, Безобразовъ,—все это имена мнѣ давно и съ дѣтства знакомыя, какъ имена Барятинскаго и Пушкина близки и дороги мнѣ по личнымъ впечатлѣніямъ и воспоминаніямъ.

Я засталъ еще старушку вдову генерала Депрерадовича и хорошо помню графа Степана Федоровича Апраксина, состоявшаго при особѣ императрицы Александры Ѳедоровны. Я имѣлъ честь, хотя и очень недолго, командовать эскадрономъ Г. А. Грюнвальда и не разъ являлся ему. „Сынъ нашего Шереметева!“ сказалъ онъ мнѣ отрывисто при первомъ пріемѣ, а Фитингофа провожалъ я по казармамъ полка, по которымъ водилъ старика князь Барятинскій.

Еще до производства моего по крайней мѣрѣ за годъ, когда я по праздникамъ живалъ у великаго князя Николая Николаевича въ

Знаменскомъ, помню, какъ онъ взялъ меня съ собою на прогулку, случайно со мною же зашелъ къ графу Бреверну и Делагарди и, назвавъ меня, сказалъ, что я поступаю въ кавалергарды.

Годъ поступленія моего въ полкъ (1863) былъ тревожный. Польское возстаніе было въ полномъ разгарѣ. Гвардія отправлена была въ Западный край. Лагеря не было.

Одна только Кирасирская дивизія двинута была на короткое время въ Красное Село. Дивизіей командовалъ тогда генералъ фонъ-Вендрихъ, Кирасирскимъ Ея Величества полкомъ — баронъ Штакельбергъ, коннымъ полкомъ князь Владиміръ Дмитріевичъ Голицынъ.

Лѣто 1863 года въ Царскомъ Селѣ, несмотря на тревожное время, отличалось необыкновенною оживленностью; общество было многочисленно; балы, пикники, кавалькады чередовались то и дѣло; дворъ подавалъ примѣръ оживленію и веселости.

Памятны мнѣ вечера въ Китайской комнатѣ Большого Дворца въ присутствіи импе-

ратрицы Маріи Александровны. Вокругъ Царскосельскаго озера ежедневно бывало гулянье; на пристани толпились въ ожиданіи проѣзда государя. Это было сборнымъ мѣстомъ всего общества. Здѣсь ежедневно можно было встрѣтить тогда еще вице-канцлера князя Горчакова, въ сопровожденіи неизмѣнныхъ А. Ѳ. Гамбургера или барона Жомини.

Онъ обращалъ на себя всеобщее вниманіе; знаменитыя ноты его по поводу польскаго мятежа уже тогда повсюду огласились.

Оживленіе въ Царскомъ Селѣ было тогда необычайное; словно не было Польскаго возстанія; веселію не было конца.

Вечернія прогулки повторялись въ Павловскъ на обычную музыку; танцовали въ Баболовѣ, гуляли по озеру, танцовали на острову, танцовали въ Павловскѣ, не было предѣла изобрѣтательности свѣтскихъ дамъ, ихъ блестящему соперничеству!

Для ученія полкъ обыкновенно выступалъ на Софійскій плацъ. Переходъ черезъ роскошный паркъ былъ истинной прогулкой. Тогда

же я былъ свидѣтелемъ несчастія, постигшаго Чарыкова, который во время ученія упалъ замертво въ ту минуту, когда наѣздники, съ которыми онъ поскакалъ, возвращались вскачь по сигналу „Аппель“.

Такая неожиданная смерть хорошаго товарища и единственнаго сына у старика отца произвела на всѣхъ удручающее впечатлѣніе.

Въ послѣдующіе годы моей службы полковой праздникъ неизмѣнно проводили мы въ Царскомъ Селѣ. Не разъ приходилось мнѣ за полкового адъютанта подавать рапорты государю въ его нижнемъ Царскосельскомъ кабинетѣ. Ежедневно въ 12 часовъ дня принималъ онъ полковыхъ адъютантовъ въ присутствіи Царскосельскаго коменданта барона Веліо.

Помню небольшой кабинетъ съ диванами, увѣшанный оружіемъ. Въ передней рядъ моделей съ ординарцами подъ стеклянными колпаками; гардеробные шкафы, фуражки на чучелахъ, на стѣнахъ рисунки, большею частію военнаго содержанія.

Черезъ эти комнаты проходили къ государю съ докладами министры.

Помню, какъ однажды выходилъ изъ кабинета государева князь Горчаковъ: съ тонкою улыбкою и слегка прихрамывая, обратился онъ ко всѣмъ намъ и, не останавливаясь, небрежно проронилъ: „Messieurs, n'allez pas dire à l'Europe que je boite.!“ Лично ко мнѣ князь Горчаковъ всегда особенно благоволилъ.

Помню какъ, ужъ будучи полковымъ адъютантомъ, подавалъ я государю рапортъ и услышалъ отъ него—впрочемъ съ улыбкою—замѣчаніе, что случайно встрѣтивъ нашихъ трубачей, онъ замѣтилъ, что они, играя, „сильно фальшивили“.

Я доложилъ объ этомъ князю Барятинскому и получилъ, конечно, выговоръ въ приказѣ.

Никогда не забуду постояннаго добраго ко мнѣ вниманія государя. Когда по производствѣ въ офицеры, впервые я надѣлъ полковой мундиръ и въ тотъ же вечеръ былъ приглашенъ на танцовальный вечеръ въ Царскосельскій Эрмитажъ, то государь, замѣтивъ мой

поздній пріѣздъ, подозвалъ меня, поздравилъ и такъ тепло и ласково, и, пристально всматриваясь, такія произнесъ для меня дорогія слова, которыхъ забыть невозможно; мнѣ кажется, что я все вижу его добрый взглядъ, все слышу звукъ его голоса.

Въ Китайской гостиной Большого Дворца императрица Марія Александровна собирала на свои вечера немногочисленное общество. Бывалъ и я нѣсколько разъ на этихъ собраніяхъ. Государь игралъ обыкновенно въ карты. Иногда онъ сообщалъ присутствующимъ о полученныхъ имъ телеграммахъ съ театра возстанія. Такъ особенно радостно сообщилъ онъ, какъ нашими войсками одержанъ былъ значительный успѣхъ. Меня очень привлекали эти вечера, въ чудномъ дворцѣ Екатерины, гдѣ все, казалось, полно ею, и образъ ея царилъ повсюду.

Подкапризовая дорога съ „двумя капризами“, большимъ и малымъ, дворцы, Китайская деревня, Баболово—все полно для меня воспоминаній молодости, все звучитъ здѣсь отго-

лосками полкового марша, и цѣлая вереница лицъ проходитъ въ моей памяти; воскресаетъ давно прошедшее славное полковое время. И среди этихъ дорогихъ отраженій минувшаго неизмѣнно, какъ живой, представляется мнѣ командиръ полка князь Владиміръ Ивановичъ Барятинскій, съ его неизмѣнно добрымъ, ласковымъ взглядомъ; мнѣ видятся его бѣлая фуражка, сѣдые усы, его высокій стройный станъ и мѣрная поступь, а весь обаятельный обликъ его не изгладится никогда въ благодарной моей памяти.

Съ самаго поступленія и въ особенности за время полкового адъютантства, я вполнѣ могъ оцѣнить его благородство, возвышенность его взглядовъ и чувствъ и неизмѣнную доброту. Здѣсь не мѣсто входить въ подробности, къ которымъ еще вернусь.

Позднѣе, другой человѣкъ явился носителемъ кавалергардскихъ преданій... Душою, молодостію и пылкимъ чувствомъ, всею службою своею сроднился онъ съ полкомъ; онъ былъ олицетвореніемъ кавалергарда настоя-

щаго закала со всѣми дорогими намъ преданіями, изстари воплотившимися и унаслѣдованными отъ другихъ поколѣній, современныхъ Аустерлицу и Бородину—

Покрытыхъ славою чудеснаго похода
И вѣчной памятью двѣнадцатаго года.

Графъ Александръ Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ былъ и есть такимъ носителемъ кавалергардскихъ преданій. Мнѣ дорого, что я еще засталъ очевидца и участника боя подъ la Fère Champenoise. Скоро по вступленіи моемъ въ полкъ, государь пожаловалъ нашъ полковой мундиръ Павлу Петровичу Ланскому.

Старикъ былъ въ восторгѣ. Онъ жилъ тогда на дачѣ въ Павловскѣ, куда весь корпусъ офицеровъ съ княземъ Барятинскимъ во главѣ отправился къ нему для поздравленій. Собрались мы всѣ въ маленькой комнатѣ и къ намъ вышелъ П. П. Ланской весь взволнованный. Онъ обратился къ намъ съ рѣчью, въ которой необыкновенно живо и нервно благодарилъ за оказанную ему честь.

Онъ коснулся прошлаго, заговорилъ о своихъ полковыхъ воспоминаніяхъ, упомянулъ о la Fère Champenoise, о своемъ участіи въ этомъ бою, говорилъ порывисто и задушевно, повторяя нѣсколько разъ съ особымъ, свойственнымъ ему произношеніемъ слово „сердечно“. О впечатлѣніи этого дня я передавалъ моему отцу, который всегда живо интересовался всѣмъ, что дѣлалось въ полку, и хорошо зналъ П. П. Ланского. Помню я и другого изъ прежнихъ сослуживцевъ моего отца — Жерве, ужъ старикомъ. У него было красивое, выразительное лицо; жилъ онъ лѣтомъ на Петергофской дорогѣ и не разъ встрѣчалъ я его на прогулкахъ въ окрестностяхъ Ульянки. Встрѣтилъ я однажды и другого стараго товарища отцовскаго — Пантелеева, случайно на вечерѣ у Апрѣлевыхъ, гдѣ былъ и мой отецъ. Надобно было видѣть, съ какою радостью встрѣтились старые товарищи и, долго сидя за оживленнымъ ужиномъ, вспоминали они о прошломъ.

Помнится мнѣ и другой ихъ современникъ,

довольно уже дряхлый и съ бѣльмомъ на глазу—Твороговъ; приходилъ онъ къ намъ въ церковь, какъ и старикъ Тимковскій, еще бодрый и живой, но всегда нуждающійся.

Изъ другихъ отцовскихъ товарищей хорошо помню Алексѣя Петровича Бутурлина, брата его Сергѣя Петровича, князя Н. П. Трубецкого, графа Б. Потоцкаго, Чоглокова, графа Гендрикова и Врасскаго. Послѣдній былъ человѣкъ особенный; и объ немъ можно было бы сообщить не мало любопытнаго.

Ближе всѣхъ къ отцу былъ А. П. Бутурлинъ, впослѣдствіи Ярославскій губернаторъ. Онъ хотя и рѣдко пріѣзжалъ къ отцу, но всегда былъ какъ дома. Помню его шуточки съ Татьяной Шлыковой, ужъ девяностолѣтней старушкой. Онъ называлъ ее „сильфидой“, и она вторила ему шутками. Но вернемся къ 1863 году. Полковымъ квартирмейстеромъ былъ тогда П. В. Оржевскій, полковымъ казначеемъ князь Ѳ. А. Куракинъ. При мнѣ разразилась надъ полкомъ гроза, ради неправильной ночной тревоги, за которую поплатились Грейгъ, Желтухинъ и Дурново.

Почти все время, пока я находился въ полку, дивизіей командовалъ князь Владимиръ Дмитріевичъ Голицынъ, добрая память о которомъ долго будетъ жить въ конномъ полку. Его нельзя было не уважать и не любить, хотя онъ и былъ грозою для всѣхъ молодыхъ офицеровъ.

Однажды разлетѣлся онъ на меня въ строю: „Корнетъ, графъ Шереметевъ, вы не командуете, вы бормочете!“

Мнѣ однакожъ не пришлось сидѣть подъ арестомъ. Только однажды на полковомъ праздникѣ 5-го сентября 1866 г., ужъ будучи полковымъ адъютантомъ, въ самый тотъ день, когда князь Барятинскій получилъ другое назначеніе, я вполнѣ заслуженно подвергся гнѣву покойнаго Государя. Онъ прямо изъ манежа отправилъ меня подъ арестъ, но не успѣлъ я дойти до мѣста, какъ меня остановили и приказали немедленно вернуться во дворецъ. Меня ввели въ залъ, гдѣ весь полкъ уже завтракалъ съ Государемъ. Возвращеніе при такихъ условіяхъ было крайне непріятное. Но

гнѣвъ Государя давно прошелъ; онъ ласково взглянулъ на меня и, приказавъ сѣсть и завтракать, проговорилъ, улыбаясь: „Небось, аппетитъ пропалъ!“

Подъѣзжалъ я однажды въ Михайловскомъ манежѣ на ординарцахъ и не безъ особаго волненія, хотя все кончилось благополучно.

Помню, какъ Государь благодарилъ ординарцевъ, но, подъѣхавъ ко мнѣ, вполголоса сказалъ: „А на барьерѣ здорово повихнулся!“

Въ другой разъ подходилъ я къ нему съ рапортомъ во время развода. Онъ былъ верхомъ посреди манежа и, по обычаю, въ опредѣленное время, только что высморкался. Всѣмъ было уже извѣстно движеніе его руки, когда онъ вынималъ носовой платокъ, и по этому движенію судили о настроеніи его духа.

Приходитъ моя очередь, и я протягиваю рапортъ. Государь прикоснулся къ нему и тутъ же обронилъ. Всѣмъ могло показаться, что рапортъ уроненъ мною, мнѣ самому представилось, что вина тутъ моя, и я стоялъ смущенный, но Государь тотчасъ ободрилъ меня,

сказавъ, что вины моей не было. Въ противномъ же случаѣ арестъ былъ бы неизбѣженъ.

Разводы съ церемоніей не прерывались каждое воскресенье. Все происходило какъ по заведеннымъ часамъ и кончалось „бумагой“, т.-е., джигитовкой конвоя.

Государь становился неизмѣнно у того же окна, а около него почти всегда Испанскій посолъ герцогъ d'Ossuna del Infantado, сдѣлавшійся какъ бы непремѣнной принадлежностью развода.

Однажды въ Красномъ Селѣ ударили тревогу, полки поскакали на военное поле, но офицеровъ оказалось мало. Не было ни полкового командира, ни адъютанта. Случайно передъ полкомъ за старшаго оказался Аверкій Львовичъ Величковскій, а я при немъ за адъютанта. Тревога прошла благополучно, но разговора, какъ и всегда, было не мало.

Братья Величковскіе, коренные кавалергарды, командовали эскадронами: Аверкій — вторымъ, а Михаилъ—четвертымъ.

Вахтмистрами были въ 1864 году: въ пер-

вомъ—Ямпольскій, во второмъ—Бровченко, въ третьемъ—Григорьевъ, въ четвертомъ—Филатовъ, въ пятомъ Линатъ. По общему отзыву, первымъ между ними считался Григорьевъ.

Время командованія Михаила Величковскаго въ теченіи красносельскаго лагеря осталось особенно въ памяти по тому необыкновенному оживленію, которымъ отличалась квартира его въ свободное отъ занятій время.

Братья Величковскіе жили въ одной большой избѣ; тутъ же находились и прикомандированные къ полку братья графы Орловы-Давыдовы, Лиговскій князь Б. Н. Голицынъ и другіе. Тогда въ ходу была оперетка „Zehn Mädchen und kein Mann“. Въ красносельскомъ театрѣ ее давали то и дѣло — и главную роль играла смазливая актриса Лелева. Михаилъ Величковскій проходу не давалъ, пародируя оперетку въ примѣненіи къ Голицыну. Онъ изводилъ его куплетами, въ родѣ слѣдующихъ:

„Борисъ—мужчина статный!
И ловкій и пріятный!...

Одѣтъ онъ съ шикомъ, съ глянцемъ,
И смотритъ иностранцемъ....
Положимъ, онъ бѣдненекъ,
Но вамъ не нужно денегъ!“ и т. п.

Къ Голицыну иначе и не обращались тогда, какъ „Boris—mon fils—оглянись!“

Это былъ своего рода балаганъ, шумный, неугомонный, но все жъ служившій нѣкоторымъ отвлеченіемъ отъ скуки.

Весь лагерь пришлось мнѣ быть полковымъ адъютантомъ при князѣ Барятинскомъ. Въ это время закончилась постройка зданія полковой столовой въ Павловской Слободѣ, въ которой теперь помѣщается офицерская артель.

Вмѣстѣ съ садомъ домъ этотъ былъ подаренъ княземъ полку. Теперь садъ этотъ разросся, а домъ увеличенъ.

Въ верхнемъ этажѣ его жилъ тогда князь Барятинскій, въ небольшихъ уютныхъ комнатахъ; сюда приходилъ я къ нему съ докладомъ, все болѣе и болѣе привязываясь къ обаятельной его личности. Его теплое отеческое участіе, истинно сердечное отношеніе для меня незабвенны.

Здѣсь не разъ принималъ кн. Барятинскій гостей; бывали у него и дамы.

Едва ли не здѣсь я впервые познакомился съ Иваномъ Федоровичемъ Горбуновымъ, заставлявшимъ всѣхъ помирать со смѣху неисчерпаемыми своими разсказами. Мнѣ особенно врѣзалось тогда въ память изреченіе его о лѣшихъ. „Одна ноздря, а спины нѣтъ!“

Моя изба, въ которой я прожилъ подъ рядъ почти всѣ годы въ Красномъ Селѣ, была изба Карѣева близъ гауптвахты, почти насупротивъ избы Величковскихъ. Одно время ближайшимъ моимъ сосѣдомъ былъ юнкеръ князь Викторъ Николаевичъ Гагаринъ.

Помню какъ теперь, когда князь Барятинскій передалъ мнѣ о поступленіи въ полкъ двухъ лицеистовъ, Миллера и Шипова, и какъ оба они прибыли и обучались въ особой юнкерской командѣ подъ наблюденіемъ Трегубова и подъ главнымъ начальствомъ Гревса.

Эта юнкерская команда состояла изъ многихъ лицъ, тутъ были: кн. В. Н. Гагаринъ, В. А. Шереметевъ, Н. Свиньинъ,

М. Эспехо, Б. Колеминъ, И. Мальцевъ, А. Войцеховичъ.

Время было очень оживленное, помнится не мало забавныхъ эпизодовъ о томъ, какъ Гревсъ расправлялся со своею командою. Его боялись сильно, но всего болѣе доставалось отъ него юнкеру Эспехо, родомъ испанцу. Онъ былъ слабѣе другихъ и вызывалъ особую раздражительность Гревса. „Страшное оружіе палашъ!“ говорилъ онъ тѣмъ, которые отодвигали голову во время пріемовъ. „Маршъ“, командовалъ онъ въ манежѣ, когда гонялъ юнкерскую смѣну. „Маршъ“ и всѣ двигались, кромѣ Эспехо; тогда Гревсъ въ сильномъ раздраженія обращался съ рѣчью.

„На всѣхъ языкахъ команда „маршъ“ обозначаетъ движеніе впередъ, слышите ли: на *всѣхъ*, даже *по-испански!*“ прибавлялъ онъ особенно раздражительно.

Владиміру Шереметеву многое прощалось ради его лихости и сходства съ братомъ Василіемъ. Въ немъ видѣлъ Гревсъ какъ бы возрожденнаго „Васю“, а нѣкоторыя шалости

были рискованны. Такъ однажды, будучи юнкеромъ, проѣхался онъ по набережной, стоя на каретѣ, и много было такихъ необычайныхъ происшествій, кончавшихся благополучно.

Любилъ я очень заходить къ Гревсу и сидѣть у него часами во время дежурства. Онъ колебался одно время, думая перейти на службу къ М. Н. Муравьеву, который ему предлагалъ мѣсто въ Вильнѣ. Позднѣе онъ не разъ сожалѣлъ, что не воспользовался этимъ предложеніемъ. Гревсъ былъ очень друженъ съ П. А. Черевинымъ.

Быть можетъ, иные еще помнятъ лихого офицера съ закрученными большими усами, стройнаго, хорошаго ѣздока, добродушнаго, но слабаго человѣка, когда-то богатаго, но въ конецъ разорившагося Александра Дмитріевича Перхурова. Грустна его судьба. Богатый Тверской помѣщикъ, племянникъ Кожиныхъ, онъ вступилъ въ полкъ, а потомъ вскорѣ удалился въ монастырь. Одно время былъ онъ послушникомъ у Пимена архимандрита, Николо-Угрѣжскаго монастыря, но потомъ вернулся въ полкъ.

Помню, на одномъ бивуакѣ, какъ онъ совершенно расходившись, во что бы то ни стало желалъ показать князю Барятинскому свое умѣнье исполнить какой-то особенный танецъ, который онъ называлъ почему то „le pas de l'artilleur.!“ Конецъ его былъ очень печаленъ.

Старшимъ полковникомъ въ годъ моего вступленія въ полкъ былъ баронъ Гейсмаръ, необыкновенно большого роста. Онъ покинулъ вскорѣ Россію и надолго.

Въ полковой канцеляріи въ мое время служилъ всему полку извѣстный старшій писарь Иванъ Никифоровичъ Четвериковъ. Служилъ онъ при многихъ полковыхъ адъютантахъ. Я принялъ адъютанство отъ П. В. Оржевскаго и сдалъ его Н. Н. Шипову въ 1868 году.

Много лѣтъ спустя, у фельдмаршала князя Барятинскаго въ Скерневицахъ былъ большой обѣдъ, въ честь покойнаго Государя Императора Александра II. Это тотъ обѣдъ, во время котораго цѣлыхъ полчаса всѣ ожидали появленія супа, по умышленной оплошности дворецкаго. Случайно на одномъ концѣ этого стола

сидѣли рядомъ: Н. В. Воейковъ, П. В. Оржевскій, кн. В. С. Оболенскій и я. Государь громко замѣтилъ, что сидятъ рядомъ все бывшіе полковые адъютанты кавалергардскаго полка и, поднявъ бокалъ, привѣтливо кивнулъ намъ головой.

Въ Красномъ Селѣ изъ года въ годъ повторялось почти то же: неизбѣжная тревога и въ концѣ лагеря парадъ. Государь на ученіяхъ и маневрахъ обыкновенно передавалъ трубачу сигналы и самъ давалъ напѣвъ.

Бывало, на военномъ полѣ полкъ выстраивается на неизбѣжной 3-й верстѣ Гатчинскаго шоссе. Подымаемся рано и очень неохотно подъ звуки генерала-марша; особенно раздражительно было пробужденіе послѣ недоспанной ночи, но дѣлать нечего, садишься на лошадь и дремлешь на переходѣ, припекаемый утреннимъ солнцемъ.

Другіе полки дивизіи выстраиваются вслѣдъ за нами; въ ожиданіи начальства всѣ стѣснились, разносчики снуютъ по рядамъ, предлагая сомнительные продукты. Я избѣгалъ всегда

этихъ раннихъ завтраковъ, послѣ которыхъ еще болѣе клонило ко сну.

Но вотъ раздается команда „Къ конямъ“, и вслѣдъ за тѣмъ „садись!“ Всѣ полки выстраиваются, и всѣ поглядываютъ на отдаленную пыль, показавшуюся передъ Краснымъ Селомъ. Начальство начинаетъ объѣзжать ряды.

„Четвертый взводъ, поводъ на себя!“ слышится чей-то голосъ. По мѣрѣ появленія новаго начальства настроеніе болѣе сосредоточенно. Трубачи въ ожиданіи сигнала замерли. Не безъ волненія слѣдишь бывало за движеніемъ изъ Краснаго Села; вотъ показалась тройка, за ней другая и потянулась вереница линеекъ свиты. Блестящій и на статномъ конѣ, главнокомандующій бросаетъ послѣдній взглядъ на линію полковъ и скачетъ на встрѣчу къ приближающемуся Государю, окруженному многочисленной свитой. Государь пріостанавливается, принимаетъ рапортъ и затѣмъ поднимаетъ лошадь въ галопъ. Вотъ уже онъ *на нашемъ правомъ флангѣ*. Трубачи играютъ походъ. „Здорово, кавалергарды!“ раздается слегка картавый звуч-

ный голосъ Государя, и въ отвѣтъ ему дружное: „Здравія желаемъ В. И. В.“ и громовое „ура“. Государь галопомъ направляется къ другимъ полкамъ, и ура не умолкаетъ и растетъ. „Здорово, конная гвардія!“ доносится уже издалека и топотъ коней постепенно удаляется среди облаковъ пыли. Но вотъ объѣздъ оконченъ, и Государь выѣзжаетъ на середину. Адъютанты летятъ во всѣ стороны съ приказаніями. Всѣ на чеку, пока не раздается команда: „Трубачи по мѣстамъ!“ Тогда мгновенно, стрѣлою, они разлетаются въ пространство, и ученіе началось...

Солнце давно уже припекаетъ и пыль столбомъ. Весело возвращаются полки послѣ удачнаго ученія; „пѣсенники впередъ“, бьютъ въ тарелки и бубны, а запѣвало Скорлупинъ заливается надтреснутымъ теноромъ: „Что за пѣсни (bis) распѣваетъ нашъ народъ, и откуда что берется? Прямо къ сердцу такъ и льнетъ!“ и всѣ дружно за ними подхватываютъ: „Золотыя, удалыя, не нѣмецкія, пѣсни русскія, лихія, молодецкія!“ Но вотъ приближаемся къ Красному, и раздаются звуки полкового марша.

Настроеніе бодрое, предвкушается завтракъ, а за нимъ и заслуженный отдыхъ послѣ испытанныхъ волненій.

Удивительные были типы между вахмистрами эскадрона и славные были ѣздоки: Деньгуба, Лихтанскій, Габельченко; у послѣдняго во взводѣ служилъ Владиміръ Шереметевъ; въ плечахъ у него косая сажень, густые черные бакенбарды, сила непомѣрная и наѣздникъ онъ лихой.

Засталъ я еще стараго вахмистра временъ отца Малыгина. Онъ ходилъ со мною въ караулъ и всегда разспрашивалъ объ отцѣ. У него была Польская медаль.

Трубачи были на подборъ и полковой хоръ славился во всей гвардіи. Штабъ-трубачомъ былъ Никулинъ, и кого только онъ ни пережилъ въ полку!

Еще засталъ онъ графа В. И. Мусина-Пушкина, бывшаго адъютантомъ въ коронацію 1856 года.

Князю Барятинскому очень хотѣлось возвратить полку серебряное шитье на рукавахъ

краснаго мундира, и онъ нѣсколько разъ пытался подойти съ этимъ къ Императору Александру II, но всегда безуспѣшно. Самъ же онъ неизмѣнно пользовался расположеніемъ Государя. Словно вчера помнится мнѣ ученіе на Софійскомъ плацу. Полковой командиръ пропускаетъ эскадроны справа по одному. Въ это время подъѣзжаетъ къ полку блестящій генералъ въ Уланскомъ сюртукѣ и слѣдитъ за ученіемъ; то былъ А. Н. Стюрлеръ, уже состоявшій тогда при Цесаревичѣ.

При князѣ Барятинскомъ было заведено, что каждый дежурный по полку офицеръ долженъ былъ у него обѣдать. Въ то время всего одинъ былъ дежурный офицеръ. Проходилъ онъ въ смежный съ казармами полка домъ князя Барятинскаго сквозь продѣланную калитку.

Послѣ обѣда всѣ сходились въ кабинетѣ князя, въ нижнемъ этажѣ этого дома. Изящная уютная комната съ дубовыми panneaux и билліардомъ, съ шахматнымъ столомъ, разбросанными на столахъ журналами, и съ покойными креслами.

На стѣнѣ висѣлъ портретъ княгини Е. А., работы Винтергалтера, освѣщенный боковою лампою. Тутъ же рядомъ и рабочій кабинетъ князя.

Памятна мнѣ эта комната и собиравшееся въ ней общество.

Всѣхъ оживлялъ своимъ присутствіемъ гостепріимный хозяинъ, всегда ласковый и привѣтливый, всегда готовый помочь словомъ и дѣломъ.

Царскосельская дача его не менѣе мнѣ памятна съ своимъ большимъ угловымъ балкономъ, на улицу, соединяющую оба дворца. Въ столовой висѣла картина масляными красками,—то былъ видъ села Ивановскаго, родового имѣнія Барятинскихъ въ Курской губерніи.

Почти одновременно съ поступленіемъ моимъ въ полкъ, вышелъ изъ него полковникъ Демидовъ (князь Лопухинъ). Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ, который еще до поступленія моего относился ко мнѣ привѣтливо, оказавъ мнѣ поддержку, которую я искренно цѣню.

Звучно раздавался по полковому манежу

густой басъ И. А. Грейга. Онъ служилъ въ 5-мъ эскадронѣ подъ начальствомъ Гревса, но былъ кажется старше его, какъ участникъ Крымской компаніи. Онъ вносилъ оживленіе и подбадривалъ начинающихъ. Не особенно оживленъ бывалъ манежъ раннимъ утромъ, когда гоняли смѣну, а въ промерзлыя окна неуклюжихъ оконъ еле проникалъ дневной свѣтъ.

То ли дѣло весною, когда ѣзда происходила на полковомъ дворѣ, а ученіе „пѣшее по конному“ подготовляло мысль къ предстоящему выступленію въ лагерь. Хорошее было время, и многое множество впечатлѣній минувшаго невольно всплываетъ въ памяти при одномъ перечнѣ будничныхъ занятій, разнообразныхъ интересовъ и полковыхъ разговоровъ, оживлявшихъ всѣ эти сложныя подчасъ и не легкія положенія, чрезъ которыя проходитъ каждый поступающій въ полкъ офицеръ.

Въ 1867 году, по случаю въѣзда Цесаревича въ Москву, и я былъ въ числѣ отправленныхъ туда офицеровъ. Воспоминаніе объ этомъ времени—одно изъ лучшихъ въ моей молодости.

Въ Москвѣ проживало тогда нѣсколько старыхъ кавалергардовъ: и между ними дядя мой Василій Сергѣевичъ Шереметевъ.

Пріѣдешь, бывало, туда въ отпускъ и старые однополчане неизмѣнно выказываютъ привѣтъ и сочувствіе; они не прекращали связей съ полкомъ, заставляли разсказывать, и сами увлекались воспоминаніями молодости. Бѣднѣе стали мы теперь этими цѣльными типами прошлаго:

Мы промѣняли
На деньги мелкія старинныя медали.

Въ Царскомъ Селѣ живала княгиня Елизавета Васильевна Кочубей, мужъ которой князь Левъ Викторовичъ нѣкогда служилъ въ полку одновременно съ моимъ отцомъ.

Домъ ея всегда былъ гостепріимно открытъ для офицеровъ полка, къ которому она питала особенное расположеніе. Въ то время она занималась музыкой и въ большомъ ходу были ея романсы: „Я очи зналъ!“ и „Когда-бъ онъ зналъ“, заслужившіе извѣстность. Бывали разводы на плацу большого Царскосельскаго дворца, и это было красивое зрѣлище, бывали и смотры

въ конномъ строю. Покойный Государь Александръ II особенно любилъ Царское Село. Ежедневно можно было встрѣтить его катающимся по аллеямъ обширнаго парка. Чаще всего носилъ онъ тогда форму Кирасирскаго Его Величества полка или гусарскую красную фуражку. Въ лицеѣ останавливались пріѣзжающіе съ докладомъ министры.

Въ Китайской деревнѣ жили почетныя лица свиты и приближенные и между ними старый кавалергардъ, добрѣйшій и благороднѣйшій графъ Борисъ Алексѣевичъ Перовскій.

Въ Павловскѣ на музыкѣ можно было встрѣтить не мало кавалергардскихъ бѣлыхъ фуражекъ. Это было время особаго оживленія Павловска.

Рядъ колясокъ пріѣзжавшихъ изъ Царскаго Села дамъ останавливался вдали насупротивъ вокзала. И здѣсь нерѣдко появлялся князь Горчаковъ съ своими неизмѣнными спутниками.

Онъ садился въ саду, а вокругъ него образовывался цѣлый кружокъ; не рѣдко, расточая свои любезности дамамъ, онъ щеголялъ изрече-

ніями, которыя потомъ передавались отъ одного къ другому, какъ нѣчто серьезное; то былъ блестящій фейерверкъ, закончившійся, впрочемъ, потемками.

Помню одинъ спектакль на Царскосельской придворной сценѣ. Театръ Китайскій — это изящная игрушка и прекрасный образецъ искусства прошлаго вѣка.

Все въ немъ еще полно Екатериною, какъ и въ паркѣ, на берегу широкаго озера, съ воспѣтыми Жуковскимъ и Пушкинымъ лебедями.

Осенней позднею порою
Люблю я Царскосельскій садъ,
Когда онъ тихой полу-мглою
Какъ бы дремотою объятъ.
И бѣлокрылыя видѣнья
На тускломъ озера стеклѣ
Въ какой-то нѣгѣ онѣмѣнья
Витаютъ въ этой полумглѣ.
И на порфирныя ступени
Екатерининскихъ дворцовъ
Ложатся сумрачныя тѣни
Октябрьскихъ раннихъ вечеровъ,
Сады темнѣютъ, какъ дубравы,
И при звѣздахъ изъ тьмы ночной,
Какъ отблескъ славнаго былого,
Выходитъ куполъ золотой.

Кавалергардскія преданія гораздо болѣе однако примыкаютъ къ Петергофу, гдѣ было любимое мѣстопребываніе Императрицы Александры Ѳедоровны, шефа полка.

Новая деревня, Елагинъ островъ, — средоточіе воспоминаній офицеровъ 30-хъ и 40-хъ годовъ, блестящее время, о которомъ старики наши вспоминали съ восхищеніемъ.

Припоминается мнѣ бивуакъ близъ Гатчинскаго Дворца, недалеко отъ звѣринца. Все поле далеко освѣщено кострами. Въ большой столовой палаткѣ поздній ужинъ въ присутствіи генерала свиты, который чувствуетъ себя какъ дома и оживляетъ всѣхъ. То былъ графъ А. И. Мусинъ-Пушкинъ, вскорѣ послѣ того назначенный командиромъ полка.

Время командованія имъ полкомъ—время полнаго оживленія полковыхъ преданій. Онъ входилъ во всѣ подробности полковой жизни и службы, и имя его дорого каждому кавалергарду.

Бивуаки—это лучшее время лагерной жизни:

разнообразіе и оживленіе послѣ однообразныхъ занятій, всѣ заинтересованы, всѣ довольны.

Но это не надолго. Къ концу маневровъ показываются неизбѣжныя высоты Дудергофа. Среди раскатовъ орудій и залповъ пѣхотной стрѣльбы, среди аттакъ и обходныхъ движеній на Пурскій лѣсъ (любимое движеніе князя В. Д. Голицына), раздается наконецъ давно желанный сигналъ: „Отбой“, еще мгновеніе,— и все стихаетъ!

Явственно и отчетливо передается сигналъ отъ одной части къ другой, невольно вздохнешь свободно при сознаніи того, что наступилъ конецъ лагерной страдѣ.

Полковые обѣды въ передѣланной комнатѣ офицерскаго собранія отличались всегда шумнымъ оживленіемъ и возбужденіемъ, несмотря на значительную, въ сравненіи съ настоящими, малочисленность офицеровъ. Мнѣ пришлось участвовать на многихъ прощальныхъ обѣдахъ, когда провожали князя Барятинскаго, когда прощались съ Гревсомъ и проч.

Въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ тогда висѣлъ пор-

третъ императрицы Александры Ѳедоровны, помѣщалась музыка и долго не умолкала она по окончаніи стола, поддерживая возбужденіе и способствуя всеобщему оживленію.

Произносились неизбѣжныя рѣчи, предлагались разнообразные тосты, и дружное „ура“ гремѣло въ отвѣтъ на то или другое привѣтствіе.

При графѣ А. И. Мусинѣ-Пушкинѣ обѣды эти приняли отличительный характеръ и стали многочисленнѣе и оживленнѣе. Присутствіе графа Александра Ивановича придавало особый задушевный отпечатокъ. Кому неизвѣстно, насколько въ подобныхъ случаяхъ присутствіе сочувственнаго, объединяющаго лица придаетъ оживленія и бодрости, и какъ чувства эти легко передаются при подобныхъ условіяхъ!

Особенно привлекателенъ графъ Александръ Ивановичъ, когда за отдѣльнымъ небольшимъ столикомъ, заставленнымъ бокалами шампанскаго, онъ, съ свойственной ему добродушною настойчивостью и напускною суровостью, полушутя, полусерьезно пробираетъ своихъ собесѣдниковъ.

Звуки полкового марша смѣняются другими, заканчиваясь пляскою, и долго не умолкаетъ шумная товарищеская пирушка давно прошедшихъ дней молодости.

Еще до поступленія моего въ полкъ, припоминаю переходы его въ лагерь, мимо Ульянки.

Отецъ также слѣдилъ за переходами полка, и всегда выходилъ на дорогу. Бывало и Т. В. Шлыкова оживлялась при проходѣ войскъ и ходила на нихъ смотрѣть къ рѣшеткѣ сада.

Въ то время еще процвѣталъ извѣстный „Красный кабачокъ“. Если бы стѣны его могли вѣщать, чего бы онѣ ни разсказали про кутежи и удаль многихъ поколѣній! Мнѣ всегда было жаль, что у насъ нѣтъ описанія прежнихъ притоновъ, ресторановъ, загородныхъ увеселительныхъ заведеній и связанныхъ съ ними сказаній. Много въ нихъ потрачено веселости и остроумія, много неподдѣльнаго веселья и широкаго разгула, раскрывающаго непоказную сторону жизни и быта того времени. Много типовъ перебывало тутъ, и оставленный ими слѣдъ могъ бы

служить освѣщеніемъ нѣкоторыхъ сторонъ дѣятельности иныхъ лицъ въ соприкосновеніи ихъ съ выдающимися лицами и событіями. Преданіе примѣнимо къ подобнымъ закоулкамъ и притонамъ.

Стоитъ коснуться внѣшности и устройства того или другого излюбленнаго уголка, хотя бы съ цѣлью украшенія и усовершенствованія его съ большою роскошью и съ большими удобствами, и все кончено: дорого каждому насиженное мѣсто, знакомая обстановка, все, что́ принадлежитъ къ этой обстановкѣ, съ которой сживаемся, и никакая перемѣна не возвратитъ вамъ утраченнаго...

Та же прислуга, все тѣ же знакомыя, услужливыя, добродушныя лица, большею частію Касимовскіе татары со своимъ старшиной, извѣстнымъ Simon, котораго зналъ весь Петербургъ.

Новая деревня съ Излеромъ, Черная рѣчка съ цыганами, мѣста столь знакомыя всей молодежи; теперь и онѣ значительно измѣнились. Чего-то не достаетъ, и что-то прибавилось, а главное,

исчезли преданія, даже въ пирушкахъ. Въ иныхъ, даже невѣроятныхъ, выходкахъ прошлаго было своего рода художество и было больше настоящаго увлеченія. Теперь общество потускнѣло и смѣшалось; иные еще слышали звонъ, не всегда зная откуда онъ, а уровень художественнаго пониманія понизился. И это не обычное сѣтованіе старѣйшаго поколѣнія передъ болѣе молодымъ!—это явленіе общее во многихъ областяхъ художества и вкуса даже разнообразныхъ. Цыгане, напримѣръ, развѣ это прежніе голоса? Развѣ и къ нимъ не привилась чужеземщина и не сбиваетъ ли она ихъ съ настоящаго пути?.. А публика, посѣщающая ихъ, развѣ она способна въ большинствѣ случаевъ воздѣйствовать на ихъ талантъ и направить вкусъ, оттѣняя истинно художественное отъ пошлости и балагана? И въ мое время уже нѣсколько пробавлялись отраженіями прошлаго, но мы застали еще свидѣтелей этого прошлаго, воплотившихъ въ себѣ живое преданіе. Поменьше было тогда французоманіи и англоманіи, хотя начало первому положено давно.

Не даромъ говорилъ Державинъ Преображенцамъ:

Французить перестать пора,
И Русь любить и пить...
Ура!..

И мы, заключая этимъ пожеланіемъ, скажемъ: Ура Кавалергардскому полку, и да не забудутся во вѣкъ его славныя боевыя преданія Аустерлица, Феръ-Шампенуаза и Бородина!

Г. С. Ш.

Петербургъ
30-го апрѣля 1895 г.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА